

ИТАН МАЛИК ПЛАНК

МУЗЫКА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

18+

Итан Малик Планк

Музыка Рода Человеческого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54168823

SelfPub; 2020

Аннотация

В период проведения юношеского музыкального конкурса бесследно исчезает подающая большие надежды участница. Она становится пленницей в специально оборудованном подвале, где по указаниям расчётливого похитителя ей придётся помочь ему в написании его лучшего музыкального произведения. Ведь похитил её не кто иной, как всемирно известный Композитор, страдающий душевным расстройством. Полагаясь лишь на свою интуицию, она пробует возможные варианты спасения своей жизни, но каждый обдуманый шаг приближает её к настоящему знакомству с похитителем и разгадке главной его тайны.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	38
Глава третья	44
Глава четвёртая	62
Глава пятая	65
Глава шестая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава первая

Нас почитают обманщиками, но мы верны;
мы неизвестны, но нас узнают;
нас почитают умершими, но вот, мы живы;
нас наказывают, но мы не умираем;
нас огорчают, а мы всегда радуемся;
мы нищи, но многих обогащаем;
мы ничего не имеем, но всем обладаем.

Второе послание к Коринфянам святого апостола Павла, главы 6, 8-10

Тусклый свет заполнял небольшое пространство, ограниченное плотным матовым полиэтиленом, зафиксированным металлическим обручем у самого пола; полиэтилен уходил куда-то вверх, под невидимый потолок, собирался там складками в круг, из центра которого светила лампа накаливания. Света было мало, но достаточно, чтобы разглядеть детали. Мёртвую тишину нарушал только звук приточной вентиляции, больше похожий на порывы ветра в открытую форточку. Пол представлял из себя утрамбованную землю. Прикасаясь к ней, чувствуешь шероховатую поверхность и мелкую пыль, присущую обычному грунту.

Несмотря на достаточно комфортную температуру, земля всё же оставалась противно холодной. Прямо посередине странной конструкции на земле лежал металлический лист в форме неровного круга с небольшой прорезью ближе к одному из краев. Там же стояло чёрное пианино, в лицевой стенке которого вмонтирован монитор с веб-камерой.

Эта конструкция вызывала бы меньше вопросов, если бы не её название – «кокон». Она была придумана, спланирована и построена одним лишь человеком и имела целью устроить настоящее испытание для пленника. И была сделана таким образом, чтобы находившийся внутри неё человек оставался привязанным ремнями к складному креслу. Оно в свою очередь с помощью системы тросов и механизма могло принимать горизонтальное или вертикальное положение и ни при каких обстоятельствах не позволило бы видеть похитителя. Связь между ним и человеком внутри «кокона» подразумевалась через микрофон, веб-камеру и монитор.

Пленницу звали Глорией Бойлл; она была совсем юной, ещё девочкой, несколько месяцев назад ей исполнилось четырнадцать. Миниатюрная, милая, с длинными тёмно-русыми прямыми волосами и серо-зелёными глазами. Особую приятность и красоту её лицу придавали тонкие губы.

Несмотря на свой возраст, Глория была очень умной и развитой девочкой. В свободное от учёбы время она много читала, посещала мероприятия по различным видам искусств; благодаря своему другу встречалась с интересными и

знаменитыми людьми из разных городов. Но большую часть своего времени она тратила на музыкальную школу.

С ранних лет, к удивлению своих родителей, она делала успехи, быстро осваивая фортепиано. Её преподаватель по музыке гордился тем, что в школе есть такой самородок, и по согласию родителей Глории, девочка с восьми лет начала выступать на самых крупных сценах родного штата.

Она родилась в предместьях Феникса, штат Аризона. Её родители были обычными людьми. Их дом стоял в Нью-Виллидж на берегу реки Лейк Плезант. Отец Глории Фрай раньше был инженером в строительной компании по возведению быстростроящихся домов. Он редко бывал дома, так как курировал строительные процессы на разных объектах и временно жил в других штатах. Так как дома возводились в основном в штатах, где вечное лето, он обходился без отпусков.

Когда Глории исполнилось семь лет, её отца повысили до главного инженера одного из подразделений. Работа стала офисной, и он поселился в центре Феникса, а ещё позже к нему переехали жена и дочь.

Мама Глории Дженнис, была очень красивой женщиной. Познакомившись с будущим мужем в семнадцать лет, родила красавицу-дочку в девятнадцать. Отучилась в колледже туризма, но никогда не работала. Родив Глорию, она всю себя посвятила ей и семейному гнёздышку. Вкусно готовила, что постоянно отмечали гости и родственники, которые ча-

сто наведывались к маленькой Глории.

Однажды у Дженнис произошёл казус с неким ухажёром, который заприметил её в магазине, когда та покупала продукты. Она категорически отказала ему в знакомстве, не сказав, однако, что замужем и что у неё есть дочь. Ухажёр оказался настойчивым и проследил, где она живёт. Из-за тонированных сзади стекол автомобиля Дженнис он не заметил детского кресла. Не зная, как отказать, молодая мама согласилась сходить с незнакомцем в филармонию, но специально взяла с собой дочь. Раздосадованный поклонник пропал сразу же после концерта. Зато Глория полюбила фортепиано и вскоре попросила маму записать её в музыкальную школу.

Один из тросов натянулся, и кресло, издавая тихий скрип, стало складываться в вертикальное положение. Голова девочки упала вниз, и её тело встрепенулось. Ярко-белым светом ожил монитор. Из усилителей, спрятанных в лицевой стенке пианино, стал доноситься мягкий мужской бас, который многократно произносил её имя.

Глория долго не могла разлепить глаза, хотя было видно, что она уже проснулась. Белая пелена, яркий свет монитора – ей понадобилось какое-то время, чтобы восстановить зрение.

Восприятие окружающего мира возвращалось к ней медленно, и первым, что она почувствовала, были сильно затёкшие ноги. Вместо мягкой теплой кровати возле большого окна с подоконником, на котором лежали её игрушки, пода-

ренные друзьями и родителями, она лежала на чём-то жёстком, деревянном. Это деревянное, к её удивлению, сложилось в обычное кресло.

Глория приходила в себя. Поверхность кресла, на котором она теперь сидела и к которому прикасалась руками, была гладкой, хорошо обработанной, но на обратной стороне подлокотников, на всём расстоянии, до которого могли дотянуться её пальцы, чувствовалась шероховатость необработанного дерева. Руки выше локтей и ноги на уровне щиколоток были перехвачены кожаными ремнями на заклёпках, как ошейники у собак, но не плотно, однако её тонкие руки и ноги всё равно не могли бы высвободиться.

От них отходили ремни-поводки; на руках были длиннее, вследствие чего она могла бы одной рукой дотянуться до предплечья другой, но не выше. Как только восстановилось зрение, она не поверила своим глазам – она была абсолютно голой.

– Где я? – удивлённо произнесла девочка, более-менее придя в себя и осматривая замкнутое пространство, ограниченное полиэтиленом.

– Здравствуй, Глория, – прозвучал в ответ спокойный голос из динамиков. – Ты в моём жилище.

– Откуда вы меня знаете и почему я привязана?

– Это для твоей же безопасности.

– Безопасности? Что, чёрт возьми, происходит? – стала раздражаться Глория, хмурия брови.

– Тот внешний мир, в котором ты жила, не безопасен, – всё так же спокойно ответил мужской голос.

– Не безопасен? О чём вы?

– Да. Иначе не случилось бы того, что случилось.

– Что случилось? Что происходит? Кто вы такой? – в голосе Глории звучала паника.

– Ты здесь, чтобы работать, Глория, – перекричал мужской голос вопль девочки.

– Почему я голая? Хватит меня разыгрывать!

– Ты голая потому, что так надо. Очень скоро ты сама всё поймёшь. В целях гигиены мне пришлось прибегнуть к таким мерам.

– Что происходит? – медленно произнесла раздражённая девочка, глядя в монитор.

– Пока ничего, Глория. Просто знакомство.

– Кто вы?

– Я – Композитор и прошу меня так называть.

– Композитор? – удивлённо повторила девочка.

– Да. Ты здесь, чтобы работать вместе со мной...

– Работать? – недослушав, спросила Глория.

– Не перебивай, – в голосе чувствовался укор. – Ты здесь до тех пор, пока мы не напишем то, что я называю музыкой.

– Как долго мы будем работать?

– Может быть, день, может, два... Или больше, – ответил после паузы мужской голос.

Вцепившись в подлокотники, она стала разглядывать пи-

анино.

– Как ты, наверное, успела заметить, в твоём «коконе» есть всё необходимое для жизни, – продолжил Композитор, пока Глория оглядывалась по сторонам. – У тебя достаточно света, постоянная температура в пределах нормы – примерно двадцать пять градусов тепла. Слева от тебя ты можешь видеть трубки.

Глория повернула голову влево и увидела три прозрачные гибкие трубки, соединенные между собою хомутами в нескольких местах и уходящие под потолок. Затем она посмотрела вниз, насколько ей это удалось, и увидела на земле засохшие остатки какой-то пищи.

– Это пищевые трубки, по которым ты будешь получать еду, стоит лишь об этом попросить. Я недавно проверял их на работоспособность, поэтому не удивляйся немного грязному полу и... твоей левой руке.

Девочка обратила внимание, что левая рука действительно запачкана водянистой массой.

– Немного расскажу тебе о кресле, чтобы вопросов про него больше не возникало. Оно, как ты, наверное, успела заметить, на колесиках. Механическими тросами приводится в движение и может как складываться, так и раскладываться. Я не знаю, затекают ли у тебя руки или ноги, но в разложенном состоянии все детали кресла принимают горизонтальное положение.

– Затекают, – обиженно ответила Глория.

– Надеюсь, ты простишь меня за это.

– Как вы поняли, что я проснулась? – всё так же раздражённо спросила девочка.

– Никак. Я примерно представляю, сколько должен спать человек.

– Странно, я совершенно не хотела просыпаться, – солгала Глория.

– Если ты не против, то продолжим. Перед тобой стоит пианино. В нём установлен монитор с веб-камерой, чтобы ты могла получать от меня разного рода задания. Все они в основном будут состоять из отрывков нот. Также в стенке пианино установлены динамики и микрофон, чтобы ты могла слышать и себя, и меня. Клавиши, как ты видишь, убраны. Вместо них установлена MIDI-клавиатура¹, это значит, что всё, что ты играешь на них, заносится сразу же в мой компьютер.

– Компьютер? – повторила девочка.

– Да. Ты здесь, как я уже говорил, чтобы писать и сочинять музыку. Тебе не придётся сочинять что-то с нуля. Вся работа заключается в доводке уже в какой-то степени проработанного материала.

Глория поверхностно изучила пианино, опустила глаза и на секунду представила, как будет выглядеть процесс. Но неожиданно на мониторе включилась веб-камера, и девочка увидела саму себя.

Сзади неё был точно такой же полиэтилен, как и спереди.

Фрагменты спинки кресла чуть ниже её головы. Волосы аккуратно причёсаны и убраны за уши. С какой-то непонятной печалью она осознала, что это не розыгрыш. Вряд ли бы её друзья-шутники или знакомые, в спешке привязав её к креслу, стали заморачиваться с волосами. Ровная гладкая кожа на шее и плечах, ниже камера не захватывала. Сухие губы и немного слипшиеся глаза.

– А я не так уж и ужасна, – попробовала пошутить девочка.

– Ты прекрасна, Глория. Ты моя Минерва², – протянул Композитор.

Эти слова немного напугали девочку.

– Минерва?

– Да. Ты для меня человек открытий и изобретений.

– Почему? – спросила Глория.

– Там, в театре на выступлениях, ты открывала новый для себя мир и изобретала то, что повергло потом всех в шок.

Глория не понимала о чём речь, нахмурила брови и что-то хотела сказать, но Композитор не дал ей этого сделать.

– На конкурсе импровизаций ты шокировала всех своим выступлением с Чардаш³. Поверь, со стороны это звучало восхитительно. Если эту программу тебе предложил твой преподаватель, то вы оба настоящие профессионалы.

И вдруг как вспышка перед глазами Глории промелькнули события недавних дней: она в большом концертном зале на конкурсе молодых исполнителей. Перебарывая волнение,

она первым своим номером решила исполнить самую сложную часть из своей программы – переделанную под фортепиано композицию Витторио Монти⁴ – Чардаш.

Тонкие пальцы её рук, напрягшиеся от страха, били по клавишам в заключительной части мелодии классика. А потом пятиминутные аплодисменты и слезы её преподавателя.

– Вы были на конкурсе? – уставившись на клавиши, произнесла девочка.

– Да. От начала и до конца.

Глория положила руки на клавиши пианино и попробовала сыграть пару аккордов из вступления. Звук пианино был, как она и ожидала, электронный и негромкий. В данной обстановке ей даже понравился.

– Я впервые тебя увидел тринадцатого января, когда ты исполняла свой первый номер. Ты выступала под номером девять. Я тебя сразу заметил.

– Да, но я выступала с десятого числа. Почему я вас не видела и не знаю?

– Я сидел в зале. Ты не могла меня видеть.

Пальцы Глории замерли на аккорде, глаза опустились.

– Как я сюда попала? – резко спросила девочка.

– Ты разве не помнишь?

Тут Глория заметила, что память действительно не потеряна. Она помнит каждый свой день на конкурсе. Помнит всех конкурсантов, которые выступали первые три дня, и помнит тот факт, что со многими она общалась и проводила

время.

– Вы дадите мне время подумать? – решила заполнить образовавшуюся паузу девочка.

– Конечно, Глория. Ты можешь просить у меня всё, о чём пожелаешь.

– Хочу, чтобы меня отпустили, – ответила девочка, понимая безнадежность просьбы.

– Это невозможно, я же тебе всё объяснил.

– Но я этого желаю! – настойчиво ответила она.

– Я имел в виду, ты можешь просить себе какую-нибудь еду или напитки, которые тебе нравятся. Могу дать тебе книги или дополнительное время, когда ты захочешь поспать или просто отдохнуть.

– Книжки? Как же я их могу здесь читать? – недоумённо спросила девочка, подняв насколько это было возможно руки ладонями вверх.

– Через монитор.

Глория нахмурила брови, совсем забыв, что книжки бывают электронными.

– Тогда я хочу одежду. Мне не по себе, что на мне ничего нет.

– Мы обсуждали этот момент. Уверяю тебя, я вижу только твое лицо. Отсутствие одежды на тебе только для того, чтобы было легче тебя мыть.

– Мыть? – снова раздражённо переспросила Глория.

На секунду она представила, что не смогла бы перенести

прикосновений этого мужчины.

– Тебе придётся с этим смириться. И давай больше не будем возвращаться к этому вопросу.

– Какого чёрта? Чтобы я ни попросила, вы отвечаете мне отказом и предложением не возвращаться к этой теме.

– Хочешь сока, Глория?

– Не меняйте тему!

– А ты слушайся меня.

Девочка удивленно посмотрела на камеру,

– Я буду апельсиновый.

– Благодарю тебя, – ответил мужчина. – Заодно посмотрим, как работают эти трубки.

Невидимый мужчина произвёл какие-то манипуляции с аппаратом, после чего подал сигнал девочке, которая тут же прижалась к указанной трубке. Питательная влага поступила в рот Глории.

– Какой приторный, – отреагировала она.

– Сахар тебе необходим.

– Вы можете видеть, как я пью или ем? – поинтересовалась

Глория, неожиданно загоревшись одной мыслью.

– Да.

– Значит, вы видите не только моё лицо.

– Я вижу тебя по плечи и вижу пищевые трубки. Я же показывал тебе картинку того, как вижу тебя из своего кабинета.

– А где мы находимся?

– В моём доме.

– У вас свой дом?

– Да. Как и у тебя. В этом нет ничего удивительного.

– Откуда вы знаете, что я тоже живу в отдельном доме?

Кстати, у нас нет подвала, как у вас.

– Я знаю о тебе практически всё.

– В смысле?

– Возможно, ты не всё помнишь, но должна понимать, что когда я забрал тебя к себе, я завладел твоим телефоном и ознакомился с твоим аккаунтом в Фейсбуке⁵ и Инстаграм⁶.

– Как вы могли! – произнесла Глория с неким омерзением от вторжения постороннего в её личную жизнь.

– Уверяю, моя маленькая миледи, я не читал твои переписки. Мне нужны были только твои фотографии, чтобы узнать твои интересы и чем ты живёшь.

Тревожное чувство не покидало Глорию, а только усилилось, ведь мужчина может сказать то, что она, возможно, хотела бы услышать и с чем могла бы смириться. Она не была уверена в правдивости его слов, но и проверять это не хотела, боясь раскрытия некоторых фактов.

– Я хочу, чтобы мы до конца были откровенны друг с другом, – продолжил Композитор. – Ты должна это увидеть.

Композитор вывел на экран монитора её страницу в Фейсбуке. Вся «стена» была в обращениях её подруг и друзей, которые соболезновали её кончине. Глория успела заметить дату публикации первого обращения – пятнадца-

тое января две тысячи тринадцатого года, полтретьего полудни.

– Но как? – растерянно спросила Глория.

– Должен заметить, моя дорогая, что ты начинаешь путаться.

– Что вы имеете в виду? Вы отвечаете на мои вопросы, почему их не становится меньше?

– Тебя переполняют эмоции, вследствие чего ты сбиваешься. Ты уже задавала вопрос о своём исчезновении.

– Так ответьте мне хотя бы на один вопрос, чёрт бы вас побрал!

– Ты разве ничего не помнишь?

– Нет же, иначе я вас не спрашивала бы!

Композитор не отводил своего взгляда от монитора и многозначительно молчал, потирая пальцы рук.

– Я помню только тринадцатое января, – стала перебирать Глория отрывки памяти. – Мы отыграли свои номера, сидели за кулисами. Потом ходили по театру. Со мной были девочки и Рассел. После обеда мы сели в автобус и нас отвезли в гостиницу.

Глория подняла удивлённые глаза, как бы спрашивая невидимого собеседника, правильно ли она всё помнит.

– С вами в автобусе был кто-то из взрослых? – спокойно произнёс Композитор.

– Конечно, – оживилась Глория. – Якоб Фуллз – наш любимый водитель.

– Почему любимый? – перебил мужчина.

– Он разрешал нам включать по bluetooth⁷ нашу музыку. Кто ещё?.. Саманта Гейлл, Моника Фиттчер, Лиз МакЛиммент, но это всё чьи-то родители.

– Я был в том автобусе, – мягко ответил Композитор, ожидая какой-то реакции.

Глория нахмурила брови, перед её глазами всплыла картина из того злосчастливого автобуса. Она у окна в паре с Файллен Мур, напарницей четырнадцати лет. За окном падал снег, усыпая дороги, из-за чего автобусу иногда приходилось буксовать, и ребята звонкими возгласами подбадривали водителя перед возникающими преградами. Панорамы городской инфраструктуры сменяли одна другую. Затем они выехали за город, и панорамы сменились на белоснежные равнины и дорожные эстакады, и вскоре они прибыли к гостинице, которая находилась в двадцати милях от Нью-Йорка – в частных владениях крупных бизнесменов-меценатов, который год любезно финансирующих творческие фестивали.

– С нами были какие-то мужчины, но я знаю только одного, – как в тумане произнесла Глория. – Это Бенжамин Котт, отец Филиппа Котта. Вроде бы он угощал всех конфетами, но я могу ошибаться. Они показались мне приторными, с горькой начинкой внутри, которую невозможно было есть. Хотя моей подруге так не показалось.

Глория подняла глаза на веб-камеру и с тревогой посмот-

рела на неё.

– Я лично не знаком с мистером Коттом, но конфеты были мои.

Тут глаза девочки наполнились слезами. Всё стало как в тумане, и хлынул поток воспоминаний: сосед сзади привлёк внимание и предложил угоститься чьими-то конфетами. Глория не могла увидеть лицо хозяина сладостей, так как мешала голова Файллен Мур, да и вид за окном автобуса был куда более интересным, чем пассажиры в нём. Когда конфета растворилась во рту Глории, угощавший уже стоял к ней спиной.

– Конфеты стёрли вам память, Глория, – неожиданно прервал её воспоминания Композитор.

Для Глории его голос звучал действительно как-будто издалека. Такой мягкий, но так леденяще отчётливый голос не имел хозяина, он звучал из пустоты, состоящей лишь из водяного пара.

– Зачем? – со слезами на глазах спросила девочка.

– Таков был мой план, дорогая, – всё так же мягко произнёс голос, словно в совершённом его хозяином не было ничего ужасного. – Я присутствовал на каждом выступлении, я выбирал и отбирал лучшего, пока не заметил тебя.

– Члены жюри и судьи так не считали.

– Плевать. Их мнение – штамп. Давно изжившее себя представление о современном искусстве. Что уж говорить о реальной, а не субъективной оценке того или иного участни-

ка.

– Двадцать детей отравлены из-за меня одной? – голос девочки задрожал, и через мгновение слёзы из её глаз полились потоком.

– Там не было двадцати детей, – возразил мужчина.

– Двадцать детей... – сухо повторила Глория. – И я вместе с ними.

– Это не столь важно, поверь, моя дорогая.

– Вы хоть слышите себя? – она почти кричала.

Голос замолчал, его обладатель обдумывал, как заставить Глорию не отвлекаться на лишние для него разговоры.

– Они все погибли? – настаивала девочка.

Композитор сохранял молчание, скрестив пальцы рук.

Неожиданно Глория изменилась в лице и произнесла:

– Пойдите. Мистер Фулз не ест сладкое. У него сахарный диабет. На чаепитиях, устраиваемых по случаю фестиваля, он никогда не притрагивался к сладкому.

– Что касается его, то мне пришлось прибегнуть к другому способу.

– Способу чего? – настороженно спросила девочка.

– Устранения, – сухо ответил мужской голос.

– Я вам не верю! – испуганно произнесла Глория. – Я помню, что было что-то ещё. Жизнь детей и взрослых не закончилась в том автобусе!

– Может быть, ты и права, тогда скажи мне, как вы все погибли на самом деле?

Глория не знала, что ответить. Воспоминаний не было, мозг не хотел работать и что-либо вспоминать, словно в недавнем прошлом ничего и не было.

– В таком случае как вам удалось избавиться от всех, кроме меня?

– Поверь, это было легче, чем угощать всех конфетами. А мистера Фулза я усыпил, как только мы выехали за город.

– Позволяет ли моё положение просить вас о доказательствах? – застенчиво поинтересовалась Глория.

– Я не рассчитывал, что у себя в «коконе» ты будешь просматривать телевизионные новости, – лукаво произнёс голос Композитора.

– Нет, я не об этом. Я хотя бы о статье в газете, что угодно. Такое злодеяние не могло остаться в тишине.

Композитору начала надоедать настойчивость девочки, поэтому следующие несколько секунд ушли на то, чтобы вывести на монитор Глории фрагмент статьи с одного из новостных сайтов. Статья была неполной и состояла лишь из цветной фотографии искорёженного автобуса и текстового описания случившегося. Заголовок целиком описывал ужасную автокатастрофу в пригороде Нью-Йорка, в которой погибло два десятка людей.

– Я уже не вернусь домой? – опустив свои влажные глаза, произнесла Глория.

– Я не обещаю, но я хочу этого, как и ты, – с особой искренностью произнёс голос. – Если мы сделаем всё, что мне

необходимо, то нет смысла держать тебя здесь.

– Я не верю вам, – Глория замотала головой, хватая ртом воздух. – Ни одному вашему слову. Этого не может быть.

Иначе как я могла выжить?

– Над этим пускай думают эксперты, – последовал сухой ответ. – Пускай делают выводы, пускай пересматривают законы об общественной безопасности, регламенты о техническом осмотре и обслуживании коммерческих автобусов и так далее. Работы у них прибавится.

– О чём вы вообще?

– О том, моя дорогая, что не будет ли тебе всё равно, как ты выжила?

Последние слова подействовали на Глорию странным образом. Девочка сжала плечи, словно ей было холодно.

Руки крепко вцепились в подлокотники кресла. Внизу живота задержалась волна тянущей боли.

– Вы не знаете, как мои родители?

– Нет, – с некой заминкой произнёс Композитор, чуть не сболтнув лишнее.

Он вдруг поймал себя на мысли, что, углубляясь в разговор с Глорией, он мог бы поддаться искушению и испытать те чувства, которые не имели места быть. Он не мог стать таким же открытым и чистым, как она.

– Это очень жестоко. Хотя очень похоже на ублютков.

Глория опустила глаза и снова заплакала. Её плечи дрожали, рука непроизвольно закрыла лицо. Композитор дождался,

ся окончания тихой истерики, после чего попросил её выпить чаю. Глории он показался слишком сладким с горьким послевкусием. Минут через пятнадцать, когда прошли слёзы и вроде бы она пошла на контакт, он предложил ей ознакомиться с работой, невзначай обмолвившись об её освобождении по окончании совместной работы.

Композитор вывел на её монитор ноты одной композиции и попросил изучить их. Немного поговорил с девочкой о том, что она думает по поводу музыкальной темы. Глория сразу же предложила несколько своих вариантов, которые тут же стала играть. Затем Композитор поделил монитор

Глории на две части, на одной из которых остались ноты, на другой в режиме реального времени стали высвечиваться ноты, которые она только что воспроизводила на клавишах пианино. Ей приходилось несколько раз останавливаться, пробегая глазами по только что сыгранным нотам, мысленно делать самой себе какие-то замечания и что-то шептать себе под нос.

В такие моменты она была похожа на какого-нибудь редактора или художника, аккуратно подбирающего и пробуемого какие-то элементы. Глория не заметила, как этот процесс увлёк её с головой. Игра в некотором смысле затянулась, и Композитору пару раз приходилось её возвращать в реальность своими монологами, состоявшими в основном из замечаний и пожеланий. Иногда ему даже приходилось выключать звук в её динамиках. В такие моменты Глория, как

самая послушная ученица, возвращала руки на подлокотники и, сохраняя ровную осанку, с его позволения начинала делиться своими впечатлениями. Поток её слов не было предела. Внутри себя Композитор был искренне рад её изменившемуся настроению и как следствие – пробудившейся энергии, желанию работать.

В те промежутки времени, когда Глория дотошно проверяла саму себя, он любовался её детским личиком, в котором прослеживалась взрослая серьёзность. Она была представлена самой себе, и поначалу он боялся хоть както нарушить её настрой.

«На кого она похожа? – думал про себя Композитор, вспоминая лучшие свои годы, проведённые с учениками. – Её задумчивые глаза, беглый взгляд и отблеск монитора на лице. Тонкая линия губ, слегка вытянутый подбородок и едва заметные скулы».

– Какому классику ты отдаёшь предпочтение? – поинтересовался Композитор в конце этой работы.

– Не хочу вас обидеть, мистер, но вопрос, наверное... глупый.

Мужчина изменился в лице.

– Из американских композиторов трудно кого-то выделить, потому что Америка, по сути, образовалась из выходцев европейских держав, а в школах преподают классику Европы и России. Вы же сами знаете.

– Россия... – растягивая слово, произнёс Композитор.

– Да, Россия. Мне из русских очень нравится Прокофьев⁸.

Руки Глории опустились на клавиши и стали играть Танец рыцарей⁹, но звук в динамиках очень скоро пропал.

– Но почему, мистер? – с обидой в голосе спросила Глория.

– Что в этом может быть хорошего?

– Хорошего? – переспросила девочка. – А что может быть в этом плохого?

– Я сказал нет, Глория! Точка.

– Что же мне играть?

– Что угодно. Чимарозу¹⁰, Генделя¹¹. Хоть Бетховена¹².

– Чимарозу и Бетховена я играла на конкурсе. И если вы не забыли, в одной из своих программ я играла импровизацию на них.

Вспоминая события только что минувших дней, Глория взяла первые несколько аккордов из своей конкурсной программы. Начала она с произведения Чимарозы.

– Если бы я попросил охарактеризовать музыкой твоих родителей, ты смогла бы это сделать? – снова перебил Композитор.

Глория перестала играть и задумалась. Её посетила странная мысль – она совершенно не помнит события, случившиеся в автобусе или рядом с ним, но прекрасно помнит каждый прожитый день в театре и за его пределами. Но почему вдруг театр, а не дом, где были мама и папа?

– Умеешь ли ты анализировать людей и выразить в музыке свою любовь, интерес и привязанность к ним? – продолжил тем временем мужчина, наблюдая за девочкой. – Скорее всего я угадаю, что маму ты любишь больше всего.

– Маму, – произнесла с непонятной интонацией Глория, затуманенно глядя на клавиши.

– Почему ты стала такой грустной?

– Вам показалось, – сухо ответила девочка, подняв глаза на камеру. – Не обращайтесь внимания, прошу вас.

– Хорошо, тогда ответь мне, кого из родителей ты смогла бы охарактеризовать игрой на инструменте? И главное как?

Как бы ты хотела, чтобы звучала мелодия, описывающая, к примеру, маму?

– Это довольно сложное задание. Боюсь, что я сразу не справлюсь.

– Жаль. Хотел вызвать у тебя эффект неожиданности. Посмотреть, как сработало бы твоё воображение.

– Отца! – выпалила Глория.

– Прости...

– Я хочу сыграть мелодию, которая охарактеризовала бы моего папу Фрая!

Композитора смутило переменчивое настроение, но предпочёл никак не комментировать её выбор.

Пальцы Глории вновь легли на клавиши. С первых нот вступления Композитор узнал произведение Джорджа Гершвина «Рапсодия в блюзовых тонах»¹³, которую она играла,

не поднимая глаз, непринуждённо, но очень проникновенно.

– Я редко его видела, – тихо произнесла Глория. – Лишь с годами я стала понимать, как много он делает для меня и мамы. Его любовь мы чувствовали на расстоянии. Он именно тот человек, который с особым трепетом произносит твоё имя.

Она подняла глаза и добавила:

– Понимаете, о чём я?

Мелодия продолжала звучать и создала в тесном пространстве «кокона» неповторимую атмосферу, наполненную согласием и интимностью. Звучание, льющееся из-под пальцев Глории, было таинственным и ровным, словно вырисовывало недописанную картину из детства. Здесь не было места для пауз и замечаний Композитора. Ремни, обхватывающие её руки чуть выше локтей, привели к тому, что она несколько раз сбилась, но в этом Глория видела знак сглаживания шероховатостей своей игры.

– Я мысленно посвящала ему все свои выступления, – произнесла Глория. – Он был со мной и, наверное, понимал на расстоянии, как мне тяжело.

– Он имел на тебя такое сильное влияние? – тихим голосом спросил Композитор, стараясь не сбивать продолжавшуюся игру девочки.

– Я совсем не помню его, когда мне было года три, четыре. Он появился в моей жизни как посторонний человек, и сначала я не могла мириться с тем фактом, что у мамы есть

ещё кто-то кроме меня. Это звучит странно и смешно – мне не более пяти лет, а я уже контролирую круг знакомых моей мамы. Видели бы вы, как менялась мама при появлении моего отца. Её глаза, да и она вся словно загоралась. В ней пробуждалась жизнь. Иногда мне становится стыдно за то, что я не замечала этого и поэтому позволяла так себя вести.

– Ну, наверное, это прощительно, – произнёс мужчина, пролистывая у себя на компьютере в одном из окон браузера редкие семейные фото Глории. – Ведь ты была совсем маленькой.

– Маленькой, но даже совсем маленьким, нам кажется, что мы абсолютно взрослые люди.

Повторив отрывок произведения ещё раз, руки девочки опустились.

– Когда мне было лет восемь, отца отпустили в продолжительный отпуск, и он, посоветовавшись с мамой, взял меня в свой пикап, и мы уехали в Фолли-бич¹⁴. Ему нравился джаз и госпел, помню, как в его машине постоянно звучали Армстронг¹⁵, Миллер¹⁶, Гершвин, Паркер¹⁷, Синатра¹⁸, Дэвис¹⁹. Ему безумно нравится опера «Порги и Бесс»²⁰. Он много читал про создание этого произведения, и его вдохновила история о том, как Гершвин однажды посетил Фолли-бич.

Мой отец никогда там не был. И вот однажды он приехал туда вместе со мной.

– Наверное, там очень красиво?

– Красиво, – повторила Глория с улыбкой. – Там своя атмосфера.

Глория сложила руки и опустила голову. В «коконе» отзвучала последняя нота. Композитор вздохнул, остановив свой взгляд на лице девочки.

– Может, нам стоит сменить тему? – нарушил тишину Композитор. – Как ты думаешь?

– Нет, – резко ответила девочка. – Я доиграю эту композицию.

Она играла, до конца не понимая, что с ней происходит.

Мелодия перестала быть похожей на оригинал, но от этого не стала хуже, а перед глазами Глории всплывали моменты жизни, когда она, держась за руку отца, шла вместе с ним по пляжу и парку Фолли-бич. Слева от неё проходили красивые молодые пары, очень легко одетые. Подолы невесомых длинных платьев девушек развевались по ветру, волосы парили вокруг их лиц, а парни с белоснежными зубами улыбались солнцу, уходящему за горизонт. Мелкие и частые мини-гостиницы создавали бесконечную панораму ярких огней вдоль пешеходной аллеи. А справа манил прохладным солёным воздухом бесконечный океан. С тех пор она на всю жизнь запомнила звук прибоя. Дрожащей рукой она сжимала крепкую и надёжную, как тогда казалось, руку отца.

Уловив для себя интересные мотивы, Композитор вожде-ленно придвинулся к одному из мониторов, на котором стали появляться ноты. Так продолжалось несколько минут, по-

ка Глория снова не опустила руки, оставив своей игрой эхо красивых нот.

Выдержав паузу, Композитор заплодировал.

– Это неправда, – смущённо произнесла Глория. – Моя игра не представляла ничего особенного.

– Должен с тобой не согласиться, моя дорогая.

– Вы мне льстите.

– Нет.

В мониторе у Глории высветился очередной фрагмент каких-то нот, который отличался от предыдущих разве что только цветом заднего фона. Он был менее белым и напоминал больше цветную ксерокопию страницы. На мониторе в «коконе» Глории высветились какие-то ноты с указанием темпа и заглавием, по всей видимости, произведения.

– Глория! – с трепетом произнёс Композитор. – Сейчас я хотел бы возвратиться к тому, из-за чего ты здесь, а именно, к произведению, над которым я работаю.

Глория посмотрела на камеру, а затем перевела взгляд на экран монитора.

– С твоей помощью и юным взглядом на жизнь я хочу развить и усовершенствовать это произведение, доведя его до совершенства, – продолжал Композитор. – Я хочу от тебя свежих идей и мыслей. Я хочу, чтобы между нами было доверие. Поэтому мне будет интересно всё, что ты сможешь сыграть. Любую музыку и созвучия, которые возникнут у тебя в голове и мыслях, я готов с ней ознакомиться, выслушать

и доработать.

– Вы думаете, у меня получится? – с сомнением спросила девочка.

– Глория, я совсем не думаю об этом. Потому что знаю и хочу верить в то, что ты будешь думать только о музыке.

Никто из нас не застрахован от ошибок. Поэтому мы будем пробовать и играть. А ночью, когда ты будешь спать, я буду прорабатывать материал раз за разом, доводить его до совершенства. Так что у нас всё получится. Впереди очень много работы, и она тебе понравится.

– Понравится?

– Вспомни всех тех ребят, которые были с тобой с самого начала, – голос Композитора стал более мягким. – С самого начала, ещё в музыкальной школе. Вспомни всех соперников на фестивалях и конкурсах.

– Их лица печальны, – словно в бреду произнесла Глория, вспоминая своих сверстников.

– Да, но то, что творится внутри них, не остановить. Их движения отточены, их головы тяжелы, их тела – сила музыки и темп. Музыка притягивает и не отпускает до своего окончания.

– Когда прервать музыку – решать только музыканту, – перебила девочка мысль Композитора.

– И это тоже, – поддержал он её.

– Это будет опера? – спросила Глория, просмотрев предложенный на мониторе материал.

– Нет. Это больше похоже на просто длинное произведение. Музыкальный цикл, рассказывающий о большой трогательной истории.

– Вы работаете по сценарию?

– Не совсем, моя дорогая. В голове одного моего друга зародилась одна жизненная история. Мне она очень понравилась, показалась интересной, хотя в ней нет ничего особенного.

– Расскажите. Мне кажется, если вы посвятите меня в вашу историю, я смогу вам чем-нибудь помочь.

– Это история о человеке, которого все называют «укрывающий». Он портной, и его руки превращают обычную ткань в интересные вещи, носить которые дозволено не всем.

– А кому?

– Автор умалчивает об этом, – с некой тоской произнёс мужчина.

– И что было дальше?

– Ему с трудом удаётся продавать свой товар, и однажды он подумал, что, гуляя по городу в одежде, сделанной своими руками, он тем самым создаст себе рекламу. Но вместо этого вокруг него происходили странные вещи.

– Какие? – Глория сгорала от любопытства.

– С прохожими случаются несчастные случаи. Кого-то сбивает повозка, кого-то избивают в уличной передраге. Он оказывается один на один с умершим, и как это положено, моя дорогая, труп необходимо накрыть какой-нибудь мате-

рией.

– И он оставляет свою одежду? – догадалась Глория.

– Совершенно верно. Он снимает с себя материю и накрывает лежащего. Обычно он уходит, но с некоторыми он пытается говорить, пока не придет полиция или кладбищенский работник. Его мысли чисты, диалоги красивы и наполнены глубоким смыслом. И ему неважно, кто перед ним:

богач или бедняк, алкоголик или душевно больной.

– Интересный сюжет. И чем всё закончилось?

– Ничем. Такое можно рассказывать бесконечно долго.

Ведь это история больше о нас, о людях. В нашем с тобой, Глория, случае, одна голова хорошо, а две лучше.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду то, что мне уже много лет и за плечами у меня огромный опыт. Я слушаю музыку всех направлений, посещаю различные музыкальные церемонии, я преподаю больше сорока лет. Но, несмотря на всё это, из-под моих пальцев будет всегда звучать та мелодия, которая характеризует только меня и то многое, что вложили в меня мои учителя. Я не могу писать так, как писал, скажем, Бетховен или Моцарт²¹. Я хочу добиться разноплановости, использовать все краски и диапазоны звучания. Я искренне верю твоим и своим возможностям. Плодом наших с тобой игр будет величайшее творение человечества из безграничного контраста всего семи нот. Я буду давать тебе для ознакомления всего лишь части произведений, как это уже было сегодня. Я

не хочу тебя запутывать подробностями – это будет для тебя лишней ин формацией. Не хочу заострять твоё внимание на том, где я, к примеру, зашёл в тупик или не могу определиться с выбором одного варианта. Я хочу довериться тебе и услышать твои мысли, которые ты переложешь на музыку.

Глория задумалась, опустив веки.

– Глория, – снова произнёс Композитор. – Я никогда не забуду, как рукоплескал тебе зал. Я стёр тебе память, но ты должна это помнить. Тот зал, конечно, не отличается от десятков других залов, где ты демонстрировала свой талант, но всё же. Я не мог ошибиться в тебе, поверь. В том зале не было ни одного, кто был бы лучше тебя.

Композитор взял пару первых аккордов той композиции, ноты которой были отображены на мониторе перед пленницей. Вскоре Глория подхватила мелодию, стала пробовать импровизировать, экспериментируя даже с тональностью и темпом. Каждый раз, когда она сбивалась, оправдывалась тем, что она всего лишь пробует и что обязательно постарается прийти к чему-то более созвучному и мелодичному. В ответ Композитор старался её поощрять и советовал, чтобы она не обращала внимания на возникающие ошибки и недочёты.

Примерно через полчаса он поменял принцип работы – на сей раз не стал ничего выводить на её монитор. Все последующие музыкальные фрагменты она воспринимала на слух. Предоставленная самой себе, Глория пробовала импровизи-

ровать, не отрывая пальцев рук от клавиш пианино.

То, что выдавала девочка, приятно удивляло Композитора.

В ней определённо был талант, думал он про себя, не замечая как один час сменялся другим.

– Весьма неплохо. Очень неплохо! – с удовольствием и приятной усталостью произнёс голос.

– Мне тоже понравилось, – согласилась девочка. – У нас проходили похожие занятия, но с вами это было увлекательнее.

Глория опустила глаза, осознав всю абсурдность сказанного.

Как же ей сейчас хотелось, как это было всегда после занятий в музыкальной школе, выйти на улицу и по знакомому маршруту пройти три квартала вниз и один налево, туда, где жила её любимая мама, где находился их дом, наполненный запахом свежеиспечённых гренок с маслом и расплавленным сыром.

– Ты не проголодалась? – словно прочтя её мысли, спросил Композитор. – По времени тебе пора поесть.

– Я как раз думала о еде, – ответила Глория.

Композитор рассказал ей о том, что из еды у него есть практически все, что она может пожелать. Он заранее предупредил её, что вся еда в желеобразном виде. В итоге обед Глории состоял из куриного бульона, овощного рагу и чая, который вновь показался ей больше горьким, нежели слад-

ким. Композитор объяснил ей, что в еду добавлены специальные витамины, способствующие поддержанию тонуса в её организме. Вследствие того, что девочка будет вести неподвижный образ жизни, особая доза витаминных добавок пойдёт ей только на пользу. Она не обратила внимания на его сообщение, так как ничего в этом не понимала, а из-за накопившейся усталости не особенно хотела вникать.

Пока Глория ела, прижимая губы к пищевым трубкам, Композитор, сидя в кресле и пролистывая получившийся за день материал, пришёл к выводу, что проделанная работа оказалась очень продуктивной. В отличие от Глории, помимо приятной усталости он начал испытывать также чувство радости. Закрывая все приложения на своём компьютере, он обратил внимание, что Глория уже спит, запрокинув голову в сторону. Композитор потушил свет и всё оборудование в «коконе» Глории, после чего дёрнул рычаг, приведя в движение кресло девочки. Сопровождаясь тихим щелчком и скрипом, её кресло опустилось до пола. Прекрасное, юное создание погрузилось в глубокий сон. Чёрная пустота в «коконе», словно сговорившись с кожаными ремнями на руках и щиколотках, что удерживали пленницу, обволакивала её обнаженное прекрасное тело: сформировавшаяся грудь медленно вздымается, плоский живот опускается ниже с каждым выдохом воздуха. И если бы кто-то был сейчас рядом с ней, ему могло бы показаться, что от её дыхания запотевают полиэтиленовые стены. Ленивые звуки тишины застыли

во времени до следующего момента, когда кто-то придёт и включит в её «коконе» свет. Тот, кто готов проделывать это много раз.

Комната Композитора была пропитана табачным дымом. Он подумал, что было бы неплохо на какое-то время покинуть рабочее место. Выйти во двор и погреться на солнышке, обзвонить некоторых знакомых и узнать, как у них идут дела. Ближе к вечеру он в первый раз за этот день поест, поймав себя на мысли, что рядом с ним нет никого, кто бы заботливо напоминал об этой необходимости. За час до заката солнца он возьмёт собаку и пройдётся с ней, наблюдая, как резво пёс пересекает заснеженное поле.

Глава вторая

Взрослые слишком часто
живут рядом с миром детей,
не пытаясь понять его.

Андре Моруа

Глория давно знала о том, что ужасные сны могут сниться всем. Они нарушают спокойный сон людей вне зависимости от возраста и цвета кожи. Первый страшный сон ей приснился ещё тогда, когда ей было семь лет. Она не была из того редкого типа людей, которые имели склонность контролировать сюжеты снов, иначе, как ей казалось, она могла бы не просматривать одни и те же ужасные сновидения, заранее зная их сюжет.

Первый ночной кошмар для неё был самым мерзким. Увиденное в семь лет по телевизору выступление одного спортсмена на брусках на летних Олимпийских Играх отложило неприятный отпечаток в её детском сознании. Он исполнял невысказанные упражнения, вызывая у зрителей стадиона неподдельный восторг и сомнительные взгляды судей. В одном из своих упражнений он заключил перекладину между руками и спиной и при этом находил в себе силы выпи-

сывать телом круги. Мускулистые руки спортсмена в максимальном напряжении были согнуты в локтях, а перекладина буквально вонзалась то в спину, то в предплечья, то в накачанный бицепс. Лицо спортсмена выдавало невероятное напряжение, зубы с искривлёнными губами были сжаты до предела. Возможно, это показалось только Глории, но когда спортсмен выбил плечевой сустав, он уже не мог больше скрывать боли.

После выступления он плакал. Он был единственным в том зале, кто не скрывал своих чувств, и маленькая Глория поняла, что это из-за боли от травмы.

В жутком сновидении Глории она была подвешена на стволе дерева. Всё, что ей помогало не упасть и не свернуть шею, были её руки, обхватившие ствол. Где-то внизу виднелась медленно отдаляющаяся чёрная гладь воды. Ствол дерева постепенно увеличивался в диаметре, и кора раздирала нежную кожу рук и тела. Глория хотела разжать руки и дать себе упасть в воду, но страх сделать это был непреодолимым.

И все же, когда держаться за кору уже не было сил, она падала вниз, а падая, не касалась воды; ей ещё ни разу не удалось коснуться этой глади. Сон прерывался, и глаза открывались сами собой, возвращая её каждый раз в реальность.

Второй сон начинался с того, что Глория испытывала непонятную лёгкость. Она находилась в подвешенном состоянии над чёрной гладью воды, словно левитируя над бесконечной плоскостью. Расстояние между телом девочки и гла-

дью постепенно сокращалось. Дыхание учащалось по мере приближения к поверхности воды, и когда Глория была совсем близко к ней, она могла видеть, как дыхание нарушает её отражение в воде. Ужас этого сна заключался в том, что стоило ей задержать дыхание, как на воде появлялся странный силуэт лица, вначале более похожий на размытый треугольник. Он становился чётким только тогда, когда в её легких практически не оставалось воздуха. Глория не боялась коснуться воды или упасть и захлебнуться, нет. Её тревожило не это. Но когда белый треугольник приобретал очертания лица, когда лицо обрастало деталями: седые волосы и брови, постаревшее лицо, но без морщин, аккуратная короткая борода, такая же белая, как и волосы на голове; когда, если Глории хватало дыхания, она могла различить глаза, – тогда, за эту секунду, она понимала, кто именно из её знакомых или родственников спрятан в старческом лице. Этот момент был как вспышка, скорострельная идентификация человека с последующим резким пробуждением в холодном поту.

Лишь несколько раз ей удавалось сдерживать себя, но всё равно воздух огромным потоком вырывался из её рта, уродовал отражение в воде.

Проснувшись ночью или утром, она не могла вспомнить того, чьё отображение скрывалось на поверхности чёрной глади воды.

Третий сон был, как ей казалось, довольно милым, однако таким же ужасным, как первые два. Место действия раз-

ворачивалось на узкой дороге между заборами, огораживающими дома, в одном из которых жила юная Глория. Зимой неместные эту дорогу вообще не замечали, ездить по ней могли только обладатели полноприводных и мощных автомобилей, да и те особой необходимости в этом не видели. Дорога связывала задние дворы нескольких домов и была местом, на котором дружные соседи устраивали иногда барбекю.

Этот сон Глории всегда снился от третьего лица: уходящая вдаль узкая, заснеженная дорога с неприступными для её роста сугробами у забора, куча детей, хаотично движущихся и орущих что-то, и редкие машины. Кому-то из детей удаётся заранее оповестить всех об опасности в виде движущегося автомобиля, после чего все разбегаются кто куда, но спасаются лишь те, кому удаётся взобраться на сугроб.

Потом дети снова выскакивают на дорогу, и так продолжается вновь и вновь. Снова неконтролируемая куча детей, снова мешанина из криков и голосов, калейдоскоп из лиц, некоторые из которых она узнаёт. И каждый раз Глории не удаётся залезть на сугроб, и каждый раз ей никто не протягивает руку помощи, и каждый раз её сбивает машина.

Сбивает, но она жива. Она стоит, зажмурив что есть силы глаза, а в ушах жуткий гул детских голосов, пронизанных паникой и страхом. Открыв глаза, она понимает, что машины проносятся сквозь неё, не нанося ей никакого вреда. Ни ей, ни кому-то ещё. Но в толпе снова рождается паника, а

затем и хаос. И это повторяется снова и снова.

Пройдёт несколько лет, прежде чем Глория начнёт анализировать этот свой сон и придёт к выводу, что он хочет ей о чём-то сказать. Ей казалось, что там, на заснеженной дороге, ей надо было взять себя в руки, стать лидером и повести за собой хотя бы тех, кого знала. Покорить всем вместе неприступный сугроб и укрыться в безопасном месте.

Четвертый ночной кошмар вызывал в ней не столько состояние ужаса, сколько отвращение. В нём она видела пальцы своих рук, которые кто-то острым, как бритва, ножом надрезал вдоль. Первый надрез был под самыми ногтями. Когда лезвие ножа доходило до второй фаланги, нож надламывал отрезанный кусок плоти, который из-за эластичности свисал на пальцах, обильно заливая всё бурой кровью. Так продолжалось, пока все пальцы не превращались в кровавое месиво.

Глория никогда не переносила вида крови, но во сне она не могла оторвать взгляда от крепких рук, которые её терзали.

Глория спала. Несмотря на ужасающие условия, в которых ей по воле неизвестного человека пришлось уснуть, снился, скорее всего, приятный сон. Или не снилось ничего.

Сомнительный покой, медленное время. И эта ночь разрешится, иначе быть не может. Так было, так есть и так будет всегда. Она – странный гость в доме Композитора, житель подземного этажа, о присутствии которого никто и никогда,

вероятно, не узнает. Оставалось ждать утра, которое обещает пленнице тусклый свет, отсутствие элементарных удобств и новые задачи, не выполнить которые означает навредить себе.

Глава третья

...написанный кровью патент
на неискоренимое благоразумие человека.

Е. И. Замятин

Глории казалось, что люди, имеющие музыкальное образование и увлекающиеся разными жанрами во многих сферах, становятся такими людьми, у которых появляется хороший вкус на хорошие вещи. Это, конечно, не значит, что такие люди – квалифицированные эксперты и к их мнению обязательно надо прислушиваться, но она давно заметила, что большинство её сверстников мало чем интересуются и уж тем более не развиты в музыкальном плане, поэтому если в их разговорах заходила речь о музыкальных новинках на той или иной молодёжной радиостанции, Глория старалась не участвовать в подобных беседах. В отличие от своих подруг, у которых свободного времени было куда больше, Глория плохо разбиралась практически во всём, чем обычно интересуются девочки четырнадцати – пятнадцати лет: новые течения в моде, прически, гаджеты, глянцевого журналы и люди, которым были посвящены целые развороты журналов или рекламные баннеры на улицах. Но она точно знала и бы-

ла уверена в себе на сто процентов, что увлечение музыкой и усердные занятия научили её если не главному, то очень важному – разбираться в людях. Манера говорить, поведение, темперамент, вредные привычки и остальные особенности – Глория замечала абсолютно всё. Ей можно было не выжигать дырку в человеке, уставившись на него, она умела это делать между делом, даже не особо обращая внимание на собеседника. Часто задавала сама себе вопрос, а зачем ей это нужно. Однако это вошло в привычку, по-другому она уже давно не могла. И как это обычно бывает, Глория редко задумывалась над тем, не анализирует ли её кто-нибудь из их компании так же, как она.

Подруг может быть две-три, может быть десять, и все они такие разные, но всех их что-то удерживает вместе. С годами всё поменяется и то, что нам не нравится в людях, или исчезнет, или приобретёт более ярко выраженные грани, но даже и тут люди пронесут дружбу через года и расстояния.

Так что же нас удерживает вместе? – задавалась вопросом Глория и задумывалась, вспоминая посиделки с подругами.

Глория никогда не считала себя идеальной и никого и никогда не заставляла с ней дружить, тем более, если человек сам этого не хотел. Она была спокойным ребенком. Ещё до музыкальной школы и подумать не могла, что именно своим спокойствием и достаточно взрослым взглядом на окружающее и происходящее будет привлекать как девочек, так и мальчиков.

Музыкальные вкусы Глории были неоднозначные. Она могла неделями слушать электронику или даунтемпо, а за тем перейти на инструментальный рок и психоделию. Её плейлист в телефоне состоял из таких любимчиков, как Эйр²², Бонобо²³, Мэссив Аттак²⁴, Морчиба²⁵, Лэмб²⁶. Если день обещал быть насыщенным по программе и подвижным физически, в её плеере звучали Продиджи²⁷, Кемикал Бразерс²⁸, Роиксоп²⁹, Фэтбой Слим³⁰. Когда по непонятным причинам ею овладевали сплин и хандра, она слушала Пинк Флойд³¹, который по таким же непонятным причинам вдохновлял её сильнее всех других коллективов, вместе взятых.

Проснувшись Глория от нежных звуков красивой игры, которую проигрывал Композитор, сидя в своей лаборатории.

Её кресло уже было сложено в вертикальное положение, поэтому некоторое время девочка ещё спала с откинувшейся набок головой. Когда она начала пробуждаться, то сразу почувствовала, как сильно затекли все части её тела, особенно ноги и бедра. Во рту был горький вкус, глаза ужасно слипались. Было странное состояние усталости и сонливости, несмотря на недавний крепкий сон.

Пробуждаясь, Глория с ужасом осознала своё сегодняшнее состояние, она будто никогда не слышала ни одного человеческого слова или звука давно привычного инструмента. Вместо того чтобы что-то сказать или сделать, она молча глядела вниз и совершенно не понимала, что говорит мужской

голос. А он произносил её имя, стараясь как можно нежнее привести её в чувство.

– Это вы играете? – наконец спросила Глория, более-менее придя в себя.

– Да, моя дорогая, – ответил Композитор, продолжая играть, словно не обращая внимания на то, что его пленница проснулась.

– Она очень красивая, – заметила девочка.

– Ты разве не узнаёшь своё произведение? – спросил

Композитор, сменив интонацию и на секунду посмотрев на лицо Глории в мониторе.

Глория ещё пребывала в полусонном состоянии и не напрягала память. Ей захотелось потянуться и руки сами собой разошлись по сторонам, но очень скоро их вольное движение ограничили кожаные ремни. Со стороны это выглядело немного комично, а Глорию одолела досада. Ей оставалось лишь выдохнуть с обидой на лице.

– Я хочу пить, – сказала Глория.

Композитор в тот же момент прекратил играть и потянулся к аппарату, дернув тумблер на панели управления.

– Я подаю тебе воду, Глория, – предупредил он. – Это будет обычная чистая вода. Если захочешь, можешь умыться.

Девочка жадно прижалась к ближайшей трубке и большими глотками начала пить. Пальцы рук вцепились в подлокотники. Боль в теле постепенно стала отпускать.

– Странно, что ты не помнишь своей композиции, – как

бы напомнил тему недавнего разговора Композитор, пока девочка пила воду.

– Я помню события вчерашнего дня, но я не думала, что вы так переделаете мелодию, – через какое-то время ответила Глория.

– Тебе не нравится?

– Нет, что вы! Я удивлена, что мы смогли сотворить такое.

– Мне очень приятно, что ты употребляешь слово “мы”.

Однако не соглашусь с тобой в этом вопросе. Сотворили эту мелодию не мы, а ты, – настоятельно произнёс Композитор.

Нахмутив брови, Глория уставилась в камеру.

– Мы, – медленно произнесла она.

– Ты. Что-нибудь ещё желаешь? – старался перебить её голос, чтобы не затевать спор об авторстве сочинённой композиции.

– Мне немного неприятно об этом говорить, но...

– Но, – повторил голос.

– Я хочу в туалет, – со стеснением произнесла Глория, отводя взгляд в сторону.

– Тебя не должно это беспокоить. Просто предупреждай меня, и я буду оставлять тебя на какое-то время одну.

– Что? – удивлённо спросила Глория.

– Я выключу все мониторы и микрофоны, – объяснился Композитор, понимая её недоумение.

– Я поняла, но я так не могу, – перебив его, возразила

девочка.

– Глория, других вариантов нет, – стараясь сохранить спокойствие, произнёс он.

– Это неприятно.

– Я понимаю тебя, но ты должна была ещё вчера понять, что некоторые обычные в нашей повседневной жизни вещи тебе придётся делать в таких условиях.

– Разве... Нельзя изменить для меня условия пребывания?

– Боюсь, что нет. Ты же сама это прекрасно понимаешь.

– Но ведь это все сказывается на работе! Что в этом плохого, если я буду жить рядом с вами, иметь под рукой все удобства? – стала перебирать варианты девочка, немного запутываясь в словах.

Ответа не последовало.

– Эй! Я с вами разговариваю! – занервничала Глория.

И снова тишина. Лишь через несколько секунд её монитор неожиданно погас и что-то хрустнуло в динамиках.

«Как так? – подумала про себя девочка. – Вот как легко можно уходить от проблем?»

Просидев несколько минут, она поняла, что её действительно оставили одну, не уточнив, правда, на сколько.

Глория не нашла ничего лучше, чем заплакать. Её слезы затянулись на несколько минут, когда она всё больше убеждалась в своём ничтожном положении. В горле застрял противный ком от накопившейся слизи. И унижения. Чтобы

хоть как-то прийти в себя, она постаралась, насколько это возможно, расслабиться. Вскоре её мысли наполнились воспоминаниями из недалёкого детства. Перед глазами всплывали картины заднего двора, где она жила. Звонкие голоса подружек-сверстниц и ясная жаркая погода. Они кучей детишек нашли большую тень под деревом и, усевшись под ним, спасались от зноя и молчаливого штиля. Этот задний дворик был настоящим укрытием от непредсказуемых машин, посторонних людей и просто любопытных глаз.

Глория вспоминала другой день, когда, сделав домашние задания по школе, она обзвонила всех ближайших подруг и назначила им время встречи в условном месте. Как выпрашивали девочки велосипеды и самокаты у мальчишек, живущих по соседству, и, визжа и горланя, резво крутя педали, пересекали по двору наперегонки. Как однажды одна из её подруг на полной скорости влетела в красный пикап, который ненадолго припарковался в неудобном месте. И как потом хозяин автомобиля, выставив всех детей в ряд, по их виноватому взгляду пытался определить конкретного виновника этой аварии.

Однажды весной, когда у реки начал цвести рогоз, Глория с подругами, возомнив, что им достаточно лет, чтобы позволить себе гулять на значительном расстоянии от дома, никого не предупредив, ушли веселиться к реке. Утопив чужой велосипед, они долго бродили вдоль берега, встречая на своём пути жаб, водяных пауков и дохлых рыб. Долго смотрели

на свои отражения, склонившись к воде с лодочной стоянки. Глории нравилось нагибаться над водой, ловя на её глади такое положение цветущей кувшинки, чтобы она находила на отражение уха. Зеленеющий мир оказался куда более интересным, чем территория заднего двора возле развязки дорог с неудобно припаркованными машинами.

Зимой они ходили туда же, к реке. Продавливали ногами тонкий лед, рвали безжизненные засохшие стебли травы, вооружались ими и представляли, что в руках у них шпаги и они фехтуют, яростно лупя друг друга по курткам.

Глория не поняла, как много прошло времени, но неожиданно зажёгся экран её монитора. Глаза тут же устремились на него. Общий свет в «коконе» стал ярче.

– Все нормально? – поинтересовался мужской голос, не издав ни единого звука своего движения.

– Да, – робко ответила Глория, опустив глаза.

«Должна ли я отчитываться вам по этому поводу?»

– У тебя нет часов, но я дал тебе времени достаточно.

«Мне кажется, я буду писать кипятком от вашей любезности».

– Мне показалось или ты о чём-то думала? – поинтересовался Композитор.

– Как вы это поняли? – снова подняв глаза на монитор, встревожено спросила девочка. – Вы всё-таки следили за мной?

– Нет, моя дорогая. Я включил аппаратуру только сейчас.

Мне нет смысла тебя обманывать. Просто я заметил в твоём лице какую-то серьёзность.

– У меня всегда такое лицо, – возразила Глория.

– Неправда. Я знаю, какая ты бываешь.

– Неужели?

– Знаешь, – начал Композитор после заминки, – как и обещал, оставил тебя одну и отлучился. Надо было решить кое-какие дела. И вот парадокс – вспомнил о тебе случайно.

Это было чистой правдой, и мужчина улыбнулся своей рассеянности, но Глория этого не видела и шутку не оценила.

– Я думала о доме, – наконец сказала девочка.

– Это хорошо.

– Что в этом может быть хорошего?

– В тебе рождаются эмоции, переживания и чувства. Это то, что мне надо при создании музыки.

– На данный момент у меня переживания о личной гигиене. Я хотела бы принять душ.

– Это исключено, моя дорогая. Если ты помнишь, я уже говорил о том, что ты лишена водных процедур, но ты обеспечена всем необходимым ровно в тех объёмах, чтобы ты могла жить и работать.

– Да, помню. Но вы оговорились, что я буду мыться! – раздражённо произнесла Глория.

– Будешь.

– Как это происходит?

– Это происходит ночью. И я больше не хочу об этом говорить. Просто прими как факт! – настойчиво произнёс голос.

– Вы сами меня моете? – не успокаивалась Глория.

– Нет. Мои руки к тебе прикасаться не будут.

– Тогда я вас не понимаю. Вы разделите меня, вы прикасались ко мне. Кто же будет меня мыть?

– Тебя этот вопрос смущает?

– Меня этот вопрос интересует.

– Хорошо, я как-нибудь вымою тебя перед сном, – долго думая, ответил голос. – И ты убедишься в том, что ты будешь принимать водные процедуры, как ты этого пожелаешь.

Глория на секунду представила, как это могло бы выглядеть. Она была даже согласна на ошейник, лишь бы встать на ноги и вспомнить каково это, чувствовать твердь под ногами.

– Давай забудем все эти диалоги и приступим к работе?

– Вот так сразу? – удивлённо спросила Глория.

– Предстоит много работы. А обсуждать условия твоего пребывания здесь можно бесконечно долго.

– Всегда всё по-вашему.

– Прости...

– Я хочу есть, – отвертелась девочка, почувствовав лёгкий голод.

«Вы же не откажете мне в еде?» – подумала Глория.

– Отлично. Я рад, что у тебя проснулся аппетит!

В комнате мужчины заработал аппарат. Несколько тюбиков тут же были распакованы, и их содержимое перелито в

специальную ёмкость. Завтрак Глории состоял из какао и жидкого творога с повидлом.

Допивая тёплый какао, девочка неожиданно почувствовала что-то домашнее, что-то, что очень напомнило один из воскресных дней, когда поутру на кухне её встречала мама.

И манил сладкий аромат жареных хлебцев и горячего шоколада. За завтраком были разговоры, и яркое солнце, прогревающее всё, что было за окном, наполняло теплом и кухню.

– Расскажите о своём доме, мистер, – произнесла Глория, совсем забыв о предстоящей работе.

Композитор, откинувшись в своём кресле, покосился на порог комнаты, затем взглянул на лежащую рядом собаку и, повернувшись обратно к своему монитору, произнёс:

– Дом как дом, моя дорогая.

– У вас прекрасный дом, – с иронией сказала девочка. – Мне хотелось бы и от вас услышать что-нибудь. Поэтому я спрашиваю о доме.

Мужчина, тяжело вздохнув, перевел взгляд в глубину комнаты, где располагался совсем не освещённый книжный стеллаж, забитый до отказа коллекционными книгами, с едва прочитываемыми названиями на корешках обложек, с виновыми пластинками и компакт-дисками. Между стеллажами, в самом тёмном углу располагалась дверь, ведущая в злополучный подвал с «коконом».

– Мой дом находится в восьми милях от Уайт-Плейнс.

Как ты понимаешь, от концертного зала, где я тебя нашёл, мы находимся не так далеко.

– Значит, вы здесь местный?

– Можно и так сказать.

– А я пересекла десять штатов, чтобы взять у вас из рук конфету, которая изменила мою жизнь, – заключила Глория, понимая, что заводит разговор в тупик.

Девочка уставилась на камеру пронзительным взглядом. Композитор долго думал, как отреагировать на её слова, но пришёл к выводу, что лучше промолчать, не портя диалог. Лишь неприятный холодок от понимания всей глубины этой фразы, прошёлся по спине Композитора. Перед глазами отчётливо всплыли фрагменты того дня: находясь в автобусе, в котором он обходил одного ребёнка за другим, постоянно возвращался взглядом на голову Глории.

– Если ты не против, я продолжу.

– Конечно.

– Мой дом стоит на реке Ист-Бранч-Бирам, – продолжил мужчина. – Я живу здесь с детства и всё, что вокруг этого дома, не тронута цивилизацией на протяжении последних семидесяти лет. Не считая моста и дороги, по которым проезжает не больше двух машин в неделю.

– Вы живёте на полуострове?

– Нет. Просто здесь одна дорога. И когда-то здесь жили фермеры.

– У вас большой дом?

– Я думаю, большой. Но... – Композитор замешкался. – Мой дом поделён на два. До моей семьи тут жили два разных человека, которые занимались своим делом. Я не знаю, были ли они знакомы друг с другом. Знаю только, что один из них был фермером. Перед моим домом до сих пор сохранилось поле.

– Кому тогда принадлежит вторая часть дома?

– Я не знаю. Он давно пустует. Раньше там работал один человек. Он рано умер, а его дети, повзрослев, соблазнились плюсами цивилизации и переехали в мегаполис.

– Почему вы не присвоили себе весь дом?

– Когда его дети окончательно уехали, у меня не было большой надобности претендовать на чужую территорию. А сейчас мне слишком много лет, чтобы ломать голову над тем, в какой из комнат я хотел бы провести свой день. Меня целиком и полностью устраивает та часть дома, в которой живу я.

– И вы не поддерживали с соседями отношения?

– Я хорошо знал деда и отца того, кто в итоге покинул этот дом. Это были славные люди. Настоящие трудяги. Видишь ли, давным-давно люди часто жили там, где работали, и работали там, где жили. Я, правда, должен признаться, не попадаю под это описание. Мои родители переехали сюда ещё до моего рождения. Бурная жизнь мегаполиса была не для них. Отец тоже был композитором и в успокоительных звуках природы он нашёл вдохновение. Соседи же держали рогатый скот. Я помню, как отец показывал его мне в то вре-

мя, пока отдыхал от изнурительной работы. Мой отец любил здесь всё. Мою маму, меня, дом и соседей. Когда окончил университет, мне пришлось часто бывать в командировках и поэтому пропустил момент, когда другая часть дома опустела.

Мужчина неожиданно замолчал – в горле застрял ком, который удалось протолкнуть стаканом воды.

– Если мне не изменяет память, – продолжил мужчина, – последний из покинувших дом вроде бы был плотником.

Но я могу ошибаться.

«Плотником?» – подумала Глория, машинально опустив голову вниз.

Её пальцы сжали подлокотники кресла и в очередной раз нащупали их неприятную обратную сторону. В голове засела странная мысль. Очень быстро ей пришлось поднять голову обратно, потому что мужчина продолжил свою историю.

– Через какое-то время я понял, как работает мой отец.

Я занялся музыкой, пошёл по его стопам. Я вспоминал его каждый раз, когда давал себе возможность отдохнуть. Где бы я ни был, у меня всегда были перерывы на отдых. В моей жизни был совсем короткий промежуток времени, когда я, находясь дома, в перерывах ходил к соседям, тогда ещё жившим здесь, брал одну из их лошадей и гулял с нею по полю, расположенному перед домом. Мне почему-то никогда не хватало смелости попросить разрешения покататься на одной из них. Но в любое время суток я мог уйти с ло-

шадью почти до края поля. Такие смиренные животные, такие выразительные, огромные и всегда с печальными глазами, обладающими какой-то магией. И я, наполненный миром звуков и нот, мысленно пробовал ей о чём-то сказать. Увлёкшись, ронял пару слов вслух, сам себе смеялся под нос, удерживал узду и шёл дальше. Смешно, наверное.

Композитор поймал себя на неудачной мысли, что, проехав десять штатов, Глория должна выслушивать сентиментальную ахинею, исходящую от него.

– В вашем доме получается два входа?

– Да. У каждого своё крыльцо. И оба с разных сторон. Мы никогда не мешали друг другу, как ты понимаешь. Подъездные дороги тоже к каждому входу свои.

– Что видно из ваших окон? – спросила Глория.

– Окна в гостиной смотрят на поле и на подъездную дорогу к моему входу. С другой стороны окна выходят на речку, хоть она и далеко.

– А за речкой виден Нью-Йорк? – не успокаивалась Глория.

– Не совсем, – опешил Композитор. – За речкой – лес.

Нью-Йорк видно из гостиной. Почему ты об этом спрашиваешь?

– Мне просто интересно. Интересно, где вы живёте и как работаете. И что больше всего на вас оказывает давление, что вдохновляет на работу?

– Было бы, конечно, неправильно полагать, что меня мо-

жет вдохновлять только вид из окна.

– Согласна с вами.

– Вдохновение приходит неожиданно. Бывает, что оно накрывает тебя во время или сразу после общения с каким-нибудь человеком. Бывает, что через какое-то время, и почти всегда неожиданно. Свою рабочую комнату я обустроил без окон. Возможно, это неправильно, но мне так проще сосредоточиться на важном. И уж если возникает необходимость посмотреть в окно, я выхожу в гостиную или из дома.

Здесь красивые закаты.

– Закаты, – словно в тумане повторила девочка.

– Как-нибудь я сфотографирую и покажу тебе.

– Вы живёте один?

Композитор проигнорировал вопрос и предложил приступить к работе. Но Глория твёрдо стояла на своём и повторила вопрос, чем вызвала лёгкое негодование и раздражение мужчины.

– Я живу с собакой, – с трудом ответил мужчина.

– Живёте с собакой? – удивлённо переспросила Глория.

– Да. Я живу с собакой.

– А дети? – не успокаивалась девочка, видимо, не подозревая, что в жизни людей бывает отсутствие их.

– Мои дети давно живут самостоятельно. Они теперь совсем взрослые люди. Они поступили как и дети моего соседа. И... если ты хочешь провести какие-то расчёты и узнать, сколько им или мне лет, то, дорогая, мне нечего скрывать от

тебя свой возраст, мне уже восьмой десяток, – раздражённо ответил мужчина.

Получив несколько ответов, Глория по голосу Композитора поняла, что его терпение на исходе, и сама предложила приступить к работе.

В этот день она заключалась в дотошной обработке очередных фрагментов записей. Скрупулёзно и тщательно Глория и Композитор подбирали буквально каждую ноту, пробуя тысячи вариантов звучания каждого такта.

Мужчина был немного раздражён за убитое на разговоры время, поэтому решил выжать сегодня из девочки по максимуму. Глория же проявила себя за работой очень работоспособной, положительно воспринимала замечания и пожелания.

Он сдался первым, ощутив сильную усталость, но одновременно и духовное удовлетворение за пока ещё не полностью выполненную работу. Просматривая на своём компьютере полученный за сегодня материал, он расцветал в улыбке и сгорал от желания делиться этой новостью буквально со всеми, включая собственную собаку.

Мужчина любезно предложил сделать перерыв на обед, на что Глория не раздумывая согласилась. Но после приёма пищи, как это обычно бывает, работоспособность девочки упала. Интерес к новому материалу угас, желание работать с энтузиазмом пропало.

Ближе к окончанию «рабочего» дня, незадолго до ужина,

они практически перестали импровизировать и по большей части играли чужие композиции. Ужин Глории состоял из картофельного пюре с мясом и чая. По его окончании девочку хотя и тянуло на очередные разговоры, им уже не удалось снова поговорить «по душам» – Композитор был скован и закрыт, а она заразительно зевала и под конец начинала путаться в словах.

– Как же я устала, мистер. Который час? – промолвила Глория, так и не дождавшись ответа.

Мужчина лишь на секунду посмотрел через монитор на спящую девочку и вернулся к просматриванию свежего материала.

Глава четвёртая

Словом, лучше говорить с человеком о его свободе, чем о его рабстве.

Андре Моруа

Третий день пребывания Глории в подвале таинственного незнакомца оказался очень тяжёлым. Она работала по заданию практически без перерывов на протяжении более четырёх часов. Сегодня она была на удивление милой, отвечала на каждый вопрос Композитора и не задавала в ответ свои. Композитор старательно прослушивал игру Глории, часто поправлял и вносил корректировки. Не давал ей ни малейшего повода для прерывания работы, лишь изредка отвлекаясь на второстепенные вопросы, касающиеся по большей части тех или иных её переживаний по «сценарию» предложенного произведения. И Глория снова совершала чудо, извлекая нужные ноты, трогавшие душу Композитора.

В качестве поощрения за проделанный труд, Композитор предоставил ей неограниченное время на обед, во время которого Глория ни в чём себе не отказывала, попробовав почти всё, что у него имелось.

Послеобеденная работа в этот день, как и в последующий,

заклучалась в том, что Композитор прежде чем что-либо выводить на экран монитора, детально описывал какое-нибудь событие, не связанное с общей темой произведения. В этот раз ему было интересно, как Глория мыслит, может ли соперничать. Сюжеты, предлагаемые им, особо не отличались друг от друга, скорее, предыдущая история походила на следующую. Не обошлось без затяжных диалогов, и, на удивление, Композитор позволял ей высказаться.

Под конец рабочего дня Глория была как выжатый лимон. День, не похожий на первые два из прожитых ею в подвале, подходил к завершению. На ужин она попросила только чай и джем. Чай опять оказался горьким, и лишь сладкий джем нейтрализовал его горечь. Сделав несколько последних глотков, Глория зевнула и буквально через несколько минут вообще уснула.

Жизнь в «коконе» снова словно застыла. Лишь пара капель ещё тёплого чая из пищевой трубки тихо упали на её левую руку. Натяжение тросов, скрип механизма, и кресло с телом Глории медленно, издавая щелчки, стало опускаться вниз, складываясь в горизонтальное положение.

Закрывая все приложения на своём рабочем столе, Композитор в специальном журнальчике поставил новую запись от шестнадцатого января две тысячи тринадцатого года и отметку в виде специального знака, который обозначал на его выдуманном языке, что его мозг должен отдохнуть несколько дней, а может, недель, прежде чем снова сесть и пересмотр-

реть мелодию рабочего дня. В этот вечер, согласно записи в журнале, он больше не садился за работу, не изучал проработанный материал и не ставил больше отметок или каких-то записей на полях или в компьютере.

Откинувшись в своём кресле перед выключенным оборудованием, он не сразу заметил, что оставил у Глории свет или то, что хоть чем-то напоминало его. Услышав шорох в кабинете хозяина, заспанная собака из гостиной подошла к нему и положила свою морду ему на колено, подставив спину для поглаживаний. Тяжёлый день подходил к концу.

Композитор тискал собаку между ушей и улыбался сам себе, удовлетворённый проделанной работой и в глубине души искренне радующийся таланту молодой и прекрасной Глории.

Глава пятая

Есть только две формы жизни:
гниение и горение.

Максим Горький

В эту ночь Глории снился жуткий сон, в котором она лежала на спине во дворе на чём-то жестком, подставив своё юное тело утренним лучам солнца. Откуда-то справа от неё были слышны голоса знакомых ей людей, которые толпились у стола с барбекю. Смотреть на их спины не было никакого желания, поэтому в их сторону голову она не поворачивала. Из-за яркого света Глория закрыла глаза, позволив себе отстраниться от этого мира, растворившись в истоме.

Несколько раз к ней подходила мама, интересуясь, не нужно ли ей чего, но каждый раз Глория притворялась спящей. И откуда в ней столько холода по отношению к матери? Она была в гостях, поэтому на всё происходящее ей было по-детски наплевать, тем более на такие мелочи, как скоро будет готова еда, помещён ли алкоголь в холодильник.

– Я думаю, что мы для каждого отрежем тот кусочек, который пожелает, – слышался до боли знакомый голос откуда-то сверху.

Глория открыла глаза, но из-за солнца смогла увидеть только очертания чьей-то головы.

– Мэтт, что пожелаешь? – обратился всё тот же голос сверху к какому-то гостю.

– Давай я помогу? – прозвучал противный женский голос с другой стороны.

– Хорошо. Просто передавай тарелки и принимай заказы, кто что хочет.

– Мэтт пожелал с косточкой, – чуть ли не смакуя каждое слово, произнесла женщина, подавая чистую стеклянную тарелку.

Толстая женская рука с пухлыми пальцами резко обхватила голову Глории, словно арбуз, и с силой повернула влево. От неожиданности Глория открыла глаза. Взмах мужской руки откуда-то сверху, короткий звук металла, и что-то горячее Глория ощутила на своем затылке. Боли не было. Лишь панический страх овладел всем её телом; оно не хотело слушаться. Осознав, что её голова находится возле огромного резака, она закричала что есть силы, но её никто не услышал.

– Смотри, можно сделать вот так, и она никуда не скатывается, – ухмыляясь, произнёс женский голос, вернув голову Глории в исходное положение.

Из-за надреза на затылке голова словно зафиксировалась на поддоне огромного резака.

– Мистер, что вы делаете? – откуда-то снизу прозвучал голос какой-то девочки.

Женщина с толстыми руками похлопала прямо по глазам Глории и улыбнулась обладательнице милого голоса.

– Мы готовим мясо, – ответил мужчина. – Попробуешь это блюдо?

– Нет, – буркнула девочка. – Я не голодна и совершенно не хочу есть.

– А как зовут такое милое создание? – поинтересовалась женщина, облокотившись на голову Глории.

– Меня зовут Бенни.

«Бенни, твою мать!» – выкрикнула Глория, узнав по имени одну из своих знакомых. Но Глорию снова никто не услышал. – «Бенни! Безмозглая ты тварь, неужели ты не видишь, что за дерьмо тут творится?»

– Ты куда-то вроде бы бежала, не так ли? – не успокаивалась с вопросами женщина.

– Я играла с ребятами в прятки, но меня быстро нашли.

Я жду следующего кона. Филипп лучше всех спрятался. Мне кажется, его никогда не найдут.

– Филипп? – настороженно переспросил мужчина.

– Да, Филипп, – ответила девочка, звонко смеясь.

– И где он сейчас? – спросил мужчина, обхватив ладонью рукоятку резака.

– Да он на дереве, – ответила смеющаяся Бенни, указав пальцем на одну из веток дерева, под которым совершалось убийство Глории.

– Ловкий мальчишка, должно быть, – подвёл итог мужчи-

на.

Глорию затрясло и, не ожидая от самой себя, прикусила руку женщине, но та продолжала стоять, как ни в чём не бывало. Тогда Глория завывала от безысходности что есть силы.

– А почему ты не с родителями? Ты вроде бы была вон с той девушкой? – Какой-то мужчина указал пальцами в толпу взрослых.

– Я ушла от них сразу же, когда они начали обсуждать современную школьную жизнь. Да что они смыслят в современных детях? – по-взрослому рассуждала Бенни.

«Ты тупая мразь, – зашипела Глория, прокусывая до крови, как ей казалось, руку толстой женщине. – Я ненавижу тебя, ты всегда была тупой и слепой».

Бенни убежала, даже не дослушав того, что хотела сказать женщина, которая продолжала прижимать рукой голову Глории.

– Фрай! Тебе какую часть? – обратился мужчина к взрослым.

– Мне, пожалуй, грудку, если не сложно.

– Конечно, не сложно, Фрай.

«Фрай? Папа?» – подумала Глория. – «Папа, нет! Папа!»

Женщина снова неожиданно отвела руку в сторону, обхватив голову Глории слева, и повернула её до предела вправо, в сторону толпы.

Глория обратила внимание, что мужчина с ножом вообще не прикасается к ней. Она открыла глаза, хотела увидеть от-

да или изверга, который издевается над нею. Губы разомкнулись, из груди снова стал выходить истошный вопль, просящий о спасении, но всё было напрасно. Через долю секунды она сквозь режущий нутро звук металла, увидела в отражении окровавленного ножа своё изуродованное лицо.

Свежий ломоть плоти её лица, состоящий из части лба, переносицы и небольшой части носа, со шлепком упал на поддон резака. Дальнейшая его судьба осталась ей неизвестной – мешал нож перед глазами. Но через мгновение она услышала скрежет лопатки по столу, которой, видимо, поделили окровавленное месиво и отправили в барбекюшницу.

Мужчина, по всей видимости, не собирался останавливаться, поэтому, опередив свою напарницу, спросил следующего гостя.

– Дженнис, что пожелаешь?

Кровь заливала девочке глаза, а все звуки с этой секунды стали слышаться с бесконечным эхом.

Дженнис обернулась в их сторону, перед этим поинтересовавшись, что заказал Фрай, и попросила то же самое.

– У Дженнис хороший вкус, – заметила женщина с противным голосом.

– Просто они не знают, что мы вкусно готовим, – пошутил мужчина.

«Дженнис, Дженнис», – повторяла Глория имя, пытаясь понять, почему оно, как и Фрай, до боли знакомое, но страх и невыносимые звуки в ушах не давали ей сосредоточиться.

Лезвие ножа двинулось вверх, издавая противный скрежет от прикосновения к оголенным костям на лице Глории.

Они же оставляли тонкую белую полоску, не запачканную свежей кровью, на поверхности ножа. Часто моргая, чтобы хоть как-то очистить от крови глаза, Глория снова увидела проблески солнца. Кровь сочилась из ран и, стекая, обжигала ещё не израненные участки головы. Девочка увидела группу взрослых... Среди них – Фрая, стоящего к ней спиной, и силуэт хрупкой молодой женщины, которая поворачивалась в её сторону. Это была Дженнис, её мама!

– Мама! Мамочка! Нет! – завопила Глория. – Не делай этого! Ты же меня...

Лезвие ножа резко ушло вниз. В ушах застыл звук металла по костям. Заляпанное кровью изображение исчезло из глаз. Лезвие, как по маслу прошло по её глазам, захватив снова часть лба, переносицы и носа.

Глория проснулась разбитой и испуганной. Её настроение было хуже некуда. Композитор какое-то время любовался спящей девочкой и был свидетелем того, как она тяжело выходит из сна. Пока он и не подозревал, что эти минуты будут лучшими за сегодняшний день, потому что, кое-как позавтракав и придя в себя, Глория испортит этот день и себе, и ему.

Композитор всё понимал и многое прощал, но он был рождён обычным человеком, не наделённым клубком стальных нервов. Поэтому он тоже сдавался и, резко выключив

у себя микрофон, срывался в пустоту своего кабинета. Его утончённая натура пренебрегала наведением хоть какого-то порядка на своём столе. Но это место, вернее, весь тот хаос, творившийся здесь, был для него священным.

Для него тут было всё на своём месте. Поэтому в минуты максимального негодования и стресса, мужчина был каждый раз близок к тому, чтобы устроить буйство красок с последующим уничтожением и разрушением всего содержимого стола об книжные стеллажи.

Единственное, что не мог бы понять Композитор, почему с первого дня пребывания здесь ей стали чаще сниться ночные кошмары.

Диалог между ними начался с неуместных и ненужных, как считал мужчина, слёз на лице девочки. Причиной же этих слёз была истерика от непонимания того, что она делает, почему нет других вариантов решения проблем. Почему он так мало откровенен с ней, почему не отвечает на её вопросы, игнорируя их или просто переводя тему. Не прекращая плакать ни на минуту, дрожащим голосом она рассказала о своих страхах, после последних сновидений, пожаловалась на странное самочувствие, на ощущение паники и тревоги.

Но Композитор был непоколебим и равнодушно спокоен. Именно так, и уже в который раз так, казалось Глории.

– Мистер, я лишь хочу найти какую-нибудь альтернативу, – плача, произнесла девочка, выгибая спину и шею.

– Мы идеально работали, Глория. Разве ты не помнишь?

– настаивал на своём Композитор. – Ты же прекрасно знаешь, как я не переношу твои слёзы...

– Нытьё, да? – перебила Глория. – Нытьё, так и скажите.

– Глория...

– Вы держите меня, чтобы я только работала на вас, – снова перебила мужчину пленница. – Работала, работала, работала.

На последних словах её крик перешёл на истошный вопль.

– Девочка моя, осталось совсем немного.

– Я только и слышу, что осталось чуть-чуть, осталось самую малость.

– Пожалуйста, прекрати плакать.

– Я растуаю в это чёртово кресло, – чуть ли не по слогам, глядя в камеру, произнесла Глория. – Я испражняюсь перед камерой. Я, в конце концов, голая! Что вы за моральный урод, издевающийся надо мной? Вы старый ублюдок, не понимающий ничего! Вы делаете только себе и мне хуже.

Мужчина замер, чувствуя, как каждое обидное слово вонзается в его грудь, как нож. Он всё прекрасно понимал и был согласен с ней, но он не мог понять, как слово, способное, если не убить, то ранить, может сойти с губ ребёнка, совершившего чудо в написании музыки.

Глория опустила голову, и мужчина увидел, как из её глаз потоком льются слёзы. Они падали на её голые ноги, увлажняли кожу и стекали вниз. Её голос дрожал, но че-

рез эту сломанную дрожь она просила отпустить её, просила сделать так, чтобы она помогла ему и поскорее дописала композицию.

– Свежий воздух всегда идёт на пользу, – произнёс мужчина, когда Глория перестала дрожать. – Возможно, я ошибаюсь, ведь мне это всего лишь кажется, но прогулки на свежем воздухе прибавляют сил и освежают мысли. Вчера было уже поздно и, когда я возвращался домой с прогулки, думал над твоими словами.

Глория подняла глаза на камеру.

– Ты как всегда права, как права и твоя музыка, что переделывает, изменяет, рушит, стирает, исправляет и лечит мои мысли, моё звучание, мои идеи. Ты все делаешь по-своему.

Я признаю, я мало сговорчив с тобой, потому что я весь погружен только в работу или потому что я такой. На мне нет масок, я не пытаюсь быть кем-то. Твоя музыка словно написана человеком, который пережил то, что пережил я. Мы изначально так условились. Мне изначально так и нужно было. Мне нужно, чтобы ты думала за меня. И у тебя получается. И ты снова права.

– Что вы имеете в виду?

– Вчера на прогулке я думал о тебе. И мне было страшно. Мне страшно, что на доработку могут уйти ещё месяцы, если не годы. Основное и самое трудное мы напишем в ближайшее время, а дальше... – Композитор запнулся.

– Дальше? – повторила девочка.

– Я отпущу тебя.

Глаза Глории забежали по крышке пианино, словно вместо него это были глаза собеседника. Ей было мало услышать это. Она чувствовала, что предложение не закончено.

В отражении её глаз мужчина увидел искру.

– Я отпущу тебя в ближайшее время, – закончил он. – Я хочу тебя отпустить.

Глория опустила глаза и хотела что-то сказать, но вместо этого лишь разомкнула губы и растерянно произнесла:

– Вы этого не сделаете.

– Я обещаю тебе.

– Вы это не сделаете, – более настойчиво повторила

Глория. – Вы могли меня отпустить, но не отпустили. Вы не отпустите меня, потому что вам страшно.

– Глория, дорогая... – попытался перебить её мужчина.

– Вам страшно даже то, что исходит из моих рук. Вам страшно от мною сказанных слов.

Она резко подняла глаза на камеру. Он всем телом почувствовал как она пронзает его взглядом.

– Ваша судьба будет зависеть от меня, и вы это прекрасно понимаете.

– Ты не представляешь, как я бы хотел сейчас оказаться рядом с тобой, чтобы просто посмотреть на тебя и убедить, что я говорю правду. Я знаю, как был тысячу раз не прав, совершив над тобой такие деяния. Ты ангел для меня, ты моё спасение и до конца жизни буду винить себя за всё содеян-

ное. Главное пойми меня.

– Вам не хватит смелости. Отпустив меня, вы будете дрожать. Не кормите меня обещаниями.

– Нет, – мужчина закивал головой, не понимая её холодного тона и нежелания быть спасённой. – Я исполню его. Я отпущу тебя, как только мы всё закончим.

– И вы не боитесь последствий?

– Последствий? Ты даже не знаешь, как меня зовут.

– Я знаю вашу музыку, мистер, а она ваше все – ваше имя и ваша жизнь.

Композитор, прислушиваясь, замер, провожая дрожь по спине от её последних слов, звучащих особым холодным, металлическим эхом в груди.

– К тому моменту будет уже всё равно.

– Что вы имеете в виду?

– Я пишу её больше двадцати лет, моя дорогая. Для меня создание и написание этой мелодии – главная задача в жизни.

Глория изменилась в лице. Закрыла глаза и, сильно зажмурившись, начала отрицательно качать из стороны в сторону головой.

– Вам проще убить меня. Всем от этого будет проще.

– Нет.

Она откинула голову и снова заплакала.

– Ты слишком юна, чтобы всё это понять. Если я убью...

– Композитор запнулся. – Мне с этим жить до конца жиз-

ни.

Я понял, что зря затеял это всё.

Прежде чем открыть глаза, Глория долго просидела неподвижно, но когда она всё-таки разомкнула их и отвела взгляд на монитор, её резко передёрнуло. Композитор вывел фотографию. Часть чёрного рукава от пальто и мужская кисть руки держала белый лист блокнота, который прикрывал обнажённую её, спящую в разложенном кресле.

На листке бумаги чёрным маркером было написано: «Я обещаю».

– Прости, я этого не должен был делать, – произнёс мужчина, тут же убрав изображение.

– Зачем? – проведив каждую букву, спросила Глория. – Зачем вы это всё делаете?

Мужчина молчал. Он устал от этих разбирательств, от её усталости и стресса, но в то же время он понимал её и прощал.

Неожиданно он вспомнил недавнее прекрасное утро

Глории, когда она, сидя в только что сложенном кресле, отходила от сна, а он будил её нежной, свежей мелодией, написанной ею накануне. Проснувшись в то утро, она была милой, податливой и послушной. Она была прекрасней всех на свете. И он не ошибся в этот раз, положив руки на клавиши своего синтезатора и начав играть отрывок из своей композиции, фрагменты которой были написаны Глорией.

Через пятнадцать минут она через силу заставила себя

позавтракать ягодным джемом и молоком, после чего началась работа, которая часто прерывалась очередными истериками или просто сидением в кресле с застывшими на клавишах руками. Сдвинуть с мёртвой точки такое положение вещей Композитор не мог, прикладывая все усилия и используя всевозможные приёмы. Пришлось даже вспомнить практику преподавателя, но и это не дало нужных результатов. Глория будто уходила в себя. Её словно подменяли: взгляд угасал, руки не слушались. Но снова в работу она включалась так же неожиданно.

Обедать она тоже не хотела, но обед был необходим. После него Композитор решил не мучить ни себя, ни её. Поработав над новым материалом несколько часов, мужчина предложил поесть, насильно заставив её плотно пообедать.

Этот приём пищи был для неё отправной точкой того, что засело в её голове и не давало покоя второй день. Но сейчас она ощутила острую необходимость идти к своей цели. Глория решает, во что бы то ни стало, не заснуть.

Глава шестая

То, что я узнал и не поведал вам,
гораздо больше того, что я вам поведал...

Гаутама Будда

Как себя вести дальше и что делать, она не понимала, её сознание затуманилось, веки тяжелели с каждой секундой.

Глория заметила, что мозг словно атрофировался, а происходящее перед глазами или уходило в туман, или размазывалось, как потёкшие краски на холсте. Речь перестала быть членораздельной. Любой звук, сошедший с губ, стоил огромного напряжения. Она на секунду вспомнила свой первый опыт распития спиртных напитков.

«Неужели я пьяна?» – спросила сама себя девочка.

Но чтобы обмануть Композитора, надо притвориться спящей. Эта единственная мысль, которая ещё держалась в её голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.